

9. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики 1937 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2061>. – Дата доступа: 10.12.2015.

10. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики 1978 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2081>. – Дата доступа: 10.12.2015.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. – Дата доступа: 10.12.2015.

The Universal Declaration of Human Rights is an important document aimed at human rights protection. However, the very idea of human rights was first raised during the Renaissance, the Reformation and the Enlightenment. The ideas were embodied in the works of thinker of those times and in the rules of law, including those that existed in the Belorussian lands. Such Human Rights as proprietary integrity, the right of women to choose a marriage partner, the ability to defend their rights in court were fixed in the privileges 1387 and 1413.

This idea was introduced in Casimir's Privilege in 1447, the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1588 and Constitution of the Polish-Lithuania in 1791. Today, right and freedoms of every person are guaranteed by the Constitution.

УДК 94(47)«1941/1945»

С. М. Бычок

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ОБ ОДНОМ ПОЛУЗАБЫТОМ ИСТОЧНИКЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (о мемуарах фельдмаршала В. Кейтеля)

Освещаются основные геополитические персоналистские и иные сюжеты, касающиеся истории предвоенного политического кризиса в Европе (1938–1939 гг.), начального этапа Второй мировой и Великой Отечественной войн (1939–1940 и 1941–1943 гг.), содержащиеся в малоизвестных и фрагментарно используемых до недавнего времени в научной литературе мемуаров высшего после А. Гитлера военного руководителя Третьего рейха фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. Автор предпринимает попытку показать ценность этого мемуарного источника для изучения истории создания системы Верховного командования вермахта, принятия стратегических решений в ставке А. Гитлера относительно операций немецких войск на Восточном фронте, актуальность воспоминаний фельдмаршала в свете радикальной трансформации концепции истории Великой Отечественной войны в современной отечественной историографии.

Трудно не согласиться с аксиоматичностью утверждения, что при изучении глобальных по масштабу исторических событий (каковыми, вне сомнения, являются Вторая мировая и Великая Отечественная войны) мемуарные свидетельства очевидцев (особенно не рядового социального или должностного ранга) имеют столь же ценное, как и документальные источники, значение. Конечно же, в них ощущается сильное субъективное влияние (как, впрочем, и в документах, имеющих, как правило, конкретное авторство). Однако стремящийся к объективному изучению исследователь обязан анализировать всю совокупность разноречивых источников, строго соблюдать сформулированный еще в давние времена мировой наукой основополагающий принцип объективности. Формально ему следуя, отечественные историки в советские годы, борясь с действительными и мнимыми мифами т. н. буржуазной, т. е. зарубежной, западной историографии, достаточно широко цитировали послевоенные мемуары бывших военачальников вермахта: Г. Гудериана, Э. Манштейна, О. Фриснера, Фр. Гальдера, Ф. Видемана, А. Типпельскирха и других значимых фигур германского генералитета.

В этом смысле мемуарам формально высшего (после Гитлера) военного руководителя нацистского рейха фельдмаршала Вильгельма Кейтеля не повезло. Неоднократно изданные за рубежом, они были неизвестны массовому отечественному читателю и большинству профессиональных советских историков вплоть до конца XX века. Тому были свои причины. Во-первых, в самом нацистском рейхе за Кейтелем закрепилось презрительное прозвище Лакейтель. Люди из окружения Гитлера, большинство представителей генералитета, считали главной чертой фельдмаршала, занимавшего высокий пост начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта (далее – ОКВ), якобы рабскую преданность Гитлеру. Отметим, что сам В. Кейтель давал основание так думать. Уже будучи арестованным союзниками, на предварительном допросе 3 августа 1945 г. в Нюрнберге, он дал себе такую оценку: «Я был бесконечно преданным оруженосцем Адольфа Гитлера, мои политические взгляды должны были быть национал-социалистическими» [1, с. 28]. Такое обстоятельство превращало мемуарные свидетельства В. Кейтеля в глазах историков в совершенно ничтожный, почти бесполезный и предельно ангажированный источник.

Во-вторых, В. Кейтель как профессионал (офицер штаба) представлял из себя специалиста с довольно посредственными оперативно-тактическими способностями, поэтому не случайно он находился в тени своего более талантливого подчиненного – начальника управления оперативного планирования ОКВ генерала А. Йодля. На этом основании интересовавшиеся конкретным ходом и исходом важнейших стратегических операций вермахта военные историки также не жаловали воспоминания фельдмаршала, написанные им второпях и незадолго до казни по приговору международного Нюрнбергского трибунала в 1946 г. и, что самое главное, посвященные отнюдь не военным операциям вер-

махта. На наш взгляд, подобное отношение к этому мемуарному источнику представляется несправедливым по целому ряду причин.

Если не отрицать очевидное, а именно – явную функциональную и элементную схожесть политических систем в целом и организации военного управления в частности в 1941–1945 гг. в Германии и СССР (почему это подобие друг другу имело место – тема отдельного разговора), становится ясно, что выраженных полководческих способностей и оперативного мышления от В. Кейтеля на его посту не требовалось. Как Сталин в Ставке Верховного Главнокомандования, так и Гитлер в ОКВ (тоже фактически ставка) определяли общую геополитическую стратегию войны, которую на штабных картах воплощали в конкретных планах масштабных операций их талантливые подчиненные (Жуков, Василевский, другие советские генералы – в советской Ставке и Генштабе РККА; А. Йодль, Ф. Паулюс, Рунштедт, Гальдер, Браухич, Редер, Геринг и др. – в ОКВ и ОКХ (Генштабе сухопутных войск), а также в штабах ВВС и ВМФ третьего рейха. По собственному признанию В. Кейтеля, он нужен был нацистскому вождю на этой должности (начальник штаба ОКВ) совсем для другой роли, нежели в качестве генератора оперативно-тактических идей [1, с. 176–178]. Фельдмаршал вполне справедливо, с учетом резко усложнившейся структуры вооруженных сил Германии (в сравнении с временами Первой мировой войны) и наличия сильнейшего идеологического компонента в руководстве вермахтом после установления фашистской диктатуры, считал важнейшей функцией на посту начальника штаба ОКВ свою длительную работу по рациональному разделению функций между руководящими структурами всех родов вооруженных сил рейха, в чем он проявил недюжинные организаторские способности [1, с. 37–38]. В итоге конечной целью своей деятельности Кейтель видел обеспечение через ОКВ неограниченного единоначалия А. Гитлера в противовес «фронде» части генералов, которого он искренне считал непревзойденным политическим стратегом и единственно возможным в условиях нацистской Германии Верховным главнокомандующим. Не только подчиняться неизбежному течению событий в силу данной им германскому государству воинской присяги, но и обязанность по возможности влиять на его ход – такова, на наш взгляд, основная оправдательная идея мемуаров фельдмаршала, испившего горькую чашу до дна, став подписантом акта о капитуляции собственной страны и армии 8 мая 1945 г.

Чтобы окончательно завершить сюжет о якобы незначимой военной деятельности В. Кейтеля и его мемуаров, господствующий в зарубежной и с этой подачи в отечественной историографии, прибегнем к одной из многочисленных и реально существующих исторических аналогий. К примеру, среди блестящих историков России начала XX века (Шахматов, Павлов-Сильванский, Лаппо-Данилевский и др.) ученик Ключевского, лидер партии кадетов П. Милюков видится в лучшем случае «крепким середнячком». Однако никто на этом основании не настаивает на его интеллектуальной ограниченности, а «Очерки рус-

ской культуры» и другие исторические исследования вошли в антологию дореволюционной русской историографии. Рассуждая подобным образом, правомерно утверждать, что и Кейтель, незаметный на фоне таких маститых полководцев и штабных стратегов, как фон Бок, фон Браухич, А. Йодль, Ф. Гальдер, В. Цейтлер, Ф. Паулюс, жестоко страдающий от оскорбительных характеристик коллег вроде «начальник имперской бензоколонки», проделал колоссальную разноплановую черновую работу по улаживанию конфликтов и разногласий, борьбы амбиций между генералами, подразделениями штабов различных родов войск, непрестанно отшлифовывал отдельные функции управлений в ОКВ, смягчал путем переговоров трения Германии с ее союзниками, наконец, снижал градус напряженности в отношениях между Гитлером и значительной частью генералитета, втайне обвинявшей фюрера в военном дилетантизме и недопустимом вмешательстве в руководство фронтовыми операциями. Следовательно, В. Кейтель внес свой весьма значительный вклад в превращение вермахта после блестящих побед первого этапа Второй мировой войны (1939–1940 гг.) в отлаженный механизм агрессии и, пожалуй, сильнейшую на тот момент армию мира.

Написанные простым языком (без традиционной стилистической обработки литературным агентом, в отличие от мемуаров его упомянутых выше коллег по военному руководству вермахтом) и поэтому не двусмысленные оценки и утверждения в мемуарах В. Кейтеля представляют довольно значимый источник для изучения функционирования системы военно-политического руководства рейха в целом и вермахта в частности в годы Второй мировой войны, а также роли субъективных причин в принятии роковых для нацистской Германии геополитических и военных решений, приведших немецкий народ к национальной катастрофе весной 1945 г.

По жанру «Мемуары фельдмаршала», вероятнее всего, следует отнести к историческим запискам, в которых формально-хронологически автор изложил свою версию событий предвоенного (1938 – август 1939 гг.) периода и первого этапа Второй мировой войны вплоть до уничтожения окруженной в Сталинграде группировки немецких войск во главе с Ф. Паулюсом в январе 1943 г. Остальные материалы (личные письма, фрагменты «Последние дни при А. Гитлере, 1945 г.», «Последние раздумья»), принадлежащие перу В. Кейтеля, носят достаточно сумбурный характер, т. к. написаны уже после вынесения ему Нюрнбергским трибуналом смертного приговора. Характер избранного В. Кейтелем жанра воспоминаний определил множественность сюжетных линий в тексте, поэтому, на наш взгляд, целесообразно выделить из них основные. Сформулируем те вопросы истории Второй мировой войны, по которым между отечественной (особенно советского периода) и западной историографией велись и до сих пор ведутся наиболее ожесточенные споры и которым В. Кейтель уделил в мемуарах внимание. При этом важно учесть, что у нас нет намерения поставить под сомнение справедливость вынесенного ему приговора Междуна-

родным трибуналом как одному из главных военных преступников нацистской Германии. Все же отметим, что фельдмаршал вел себя на суде достойнее своих компаньонов по скамье подсудимых, старался сохранять человеческое и офицерское достоинство и оправдать вермахт и его командование за соучастие в чудовищных преступлениях нацистского режима, руководства и войск СС на оккупированных территориях, а также переложить основную вину за них на национал-социалистическое государство.

Итак, на наш взгляд, в мемуарах фельдмаршала основная тема – это взаимоотношения Гитлера как высшего военного руководителя и немецкого генералитета, включающая в себя и другие аспекты истории военного времени. В отечественной историографии (прежде всего советского периода) этот сюжет трактовался традиционно единообразно и в однозначно негативном ключе. А именно, немецкий офицерский и генеральский корпус был верным слугой нацистского режима, целиком подчинялся национал-социалистической идеологии, а значительная его часть разделяла идеи «коричневого» движения; прусский милитаризм органично совместился с «расовой» теорией германского фашизма. Поэтому пока вермахту на фронтах Второй мировой войны сопутствовал успех (1939–декабрь 1941 гг.), глубоко скрываемаая неприязнь к Гитлеру как к «парвеню» и дилетанту в военном деле у немецких генералов выливалась в бесполезную «фронду», не представляя из себя реального сопротивления режиму. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года являлось всего лишь попыткой оппозиции «сбросить балласт» с тонущего корабля нацистской агрессии с целью перекроить геополитический расклад сил во Второй мировой войне, развалить антигитлеровскую коалицию и совместно с бывшими союзниками СССР остановить возмездие, надвигавшееся с востока на Германию в виде победоносной Советской армии [2; 3; 4]. При этом отечественная историография советского периода, а по инерции и значительная часть современных российских историков, тщательно прячет смысл аналогичных событий, имевших место в СССР в период «большого террора» 1937–1938 гг. Речь идет о печально знаменитом процессе лета 1937 г. против высшего руководства РККА во главе с маршалом М.Н. Тухачевским (т. н. военно-фашистский заговор в Красной Армии), который трактуется всего лишь как часть общей кампании подавления якобы массовой и мнимой оппозиции сталинскому режиму и сплочения советского общества таким способом на ортодоксальной идеологической большевистской платформе. Как сегодня известно, на самом деле это было подавление гипотетически готовящейся попытки военным путем изменить персональный состав политического руководства страны и затормозить процесс окончательного превращения СССР в тоталитарное государство. Цель избежать нежелательных исторических параллелей с нацистской Германией здесь просматривается вполне ясно. В мемуарах В. Кейтеля вырисовывается иная, как кажется, более объективная картина генеральской оппозиции А. Гитлеру, нежели та, что была написана «специалистами» по критике т. н. буржуазных фальсификаций

истории СССР в западной историографии, существование которой (оппозиции), разлад между фюрером и его военачальниками фельдмаршал считает основными причинами военного поражения Германии в войне [1, с. 122]. Изложение истории создания ОКВ во главе с Гитлером и В. Кейтелем в качестве начальника его штаба начинается с главы под названием «Кризис Бломберга-Фрича, 1938 г.» [1, с. 32–55]. Эти два высших военных чина рейхсвера и тогдашний начальник ОКХ (генерального штаба сухопутных войск) генерал фон Бек стали первыми жертвами гитлеровской чистки командного состава немецкой армии вовсе не случайно. Неутраченная горечь от поражения германской империи в Первой мировой войне, привычка к былой (во времена кайзера) исключительности и независимости высшего слоя военной касты в правящей элите Германии с конца XIX в., приход нацистов к власти, «табу» в отношении самой мысли войны на два фронта делали этих военачальников убежденными противниками подчинения вермахта и его генералитета нацистскому руководству Третьего рейха. А именно эту цель и преследовало создание ОКВ с Верховным Главнокомандующим А. Гитлером во главе. Ревностным проводником этой идеи в жизнь, ее «инженером» как раз и оказался опытный организатор и штабист, будущий фельдмаршал В. Кейтель, искренне преклонявшийся перед незаурядным интеллектом (дьявольским по сути) и необычайной силой воли фюрера. Тем не менее Кейтель высказывает сожаление об устранении трех (упомянутых) самых заметных военачальников от руководства вермахтом и считает это просчетом Гитлера, ибо с этого момента оппозиция генералитета, внешне покорного приказам нацистского фюрера, становится фактом и естественным образом ведет к заговору 20 июля 1944 г. (взрыву в Ставке в Восточной Пруссии), идейным вдохновителем и одним из главных действующих лиц которого стал генерал-полковник Бек [1, с. 52–53]. В. Кейтель не знал и, в силу близости к Гитлеру, не мог знать то, что стало известно историкам в послевоенные годы: до покушения барона В. Штауффенберга на жизнь А. Гитлера в период с января 1942 г. до лета 1944 г. его пытались устранить таким образом еще пять раз [1, с. 308–313]. Следовательно, вопреки утверждениям советской историографии, генеральская оппозиция Адольфу Гитлеру – реальность, а не миф, хотя это и не отменяет факта превращения вермахта, согласно логике агрессивной войны на уничтожение против СССР, в столь же преступную организацию, как СС НСДАП, гестапо и другие структуры нацистского государства. И эту логику, на наш взгляд, достаточно убедительно описал в мемуарах фельдмаршал В. Кейтель, что и придает им определенную ценность для исторических исследований. Любопытно в этой связи отметить, что после физического устранения гипотетического заговора в 1937 г. во главе с маршалом М. Тухачевским и массовой чистки в РККА советские военачальники были приведены в состояние полной покорности сталинскому руководству. В отличие от германского генералитета – профессиональной военной касты с многовековыми традициями – советский офицерский и генеральский корпус в подавляющем большинстве вышел из со-

циальных низов и поэтому фактически поголовно исповедовал коммунистическую идеологию. Видимо по этой причине он оказался неспособен на протяжении всей последующей советской истории играть самостоятельную политическую роль и на такую масштабную акцию, как заговор немецких военных 20 июля 1944 года.

Вторая заметная тема мемуаров В. Кейтеля – предыстория восточного похода вермахта и роль советско-германской войны 1941–1945 гг. в крушении Третьего рейха, которой посвящена основная часть авторского текста воспоминаний фельдмаршала [1, с. 141–227]. Этот сюжет менее значим, хотя и содержит весьма любопытные наблюдения одного из высших военачальников вермахта за обстановкой в ставке А. Гитлера и отношением немецких генералов к стратегической идее нацизма – войне против СССР. Здесь фельдмаршал не оригинален и фактически солидаризируется с выводами в послевоенных мемуарах Ф. Гальдера, Э. фон Манштейна и других немецких военачальников, что лишний раз доказывает определенную источниковую ценность этой литературы.

Развивая свою основную мысль о роковой роли противоречий между ОКВ (т. е. Гитлером и всем аппаратом его ставки во главе с В. Кейтелем) и ОКХ (т. е. генералитетом сухопутных войск) в конечном поражении Германии в войне против антигитлеровской коалиции [1, с. 178–182], фельдмаршал добавляет к этому выводу целый перечень конкретных причин, не позволивших нанести военное поражение одной из трех (СССР) могущественных стран, объединившихся позднее в антинацистскую коалицию. Здесь и провокационное поведение Б. Муссолини, весной 1941 г. втянувшего Германию из-за своей авантюрной войны с Грецией в незапланированную военную кампанию на Балканах (в результате – отсрочка нападения на СССР на два месяца и, соответственно, нехватка этого благополучного по климатическим условиям времени для полного разгрома РККА в 1941 г. и захвата Москвы), и предательское поведение испанского диктатора Франко, сорвавшего операцию по захвату Гибралтара, и роковое решение Гитлера летом 1941 г., приостановившего наступление на Москву ради разгрома киевской группировки РККА и захвата Украины (знаменитый «поворот к югу»), против которого дружно возражали командующие ударными группировками на центральном направлении и командование сухопутными войсками генералы Гудериан, Браухич, Бок, Ключе, Геппнер и др.), незаконные методы ведения войны (партизаны и диверсанты и т. д.). Одним словом, В. Кейтель, как и другие немецкие военачальники в будущем, сетует на неблагоприятное стечение целого ряда военных, внешнеполитических и личностных обстоятельств, не позволивших реализовать план «Барбаросса» в силу фатального течения хода событий этого периода времени, которые сами по себе носят вполне резонный характер. Интерес представляют рассуждения В. Кейтеля о превентивном характере нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. [1, с. 160–161]. Как известно, советский, британский и американский обвинители на Нюрнбергском трибунале не позволили В. Кейтелю в ходе до-

просов развернуть дискуссию на эту тему, используя положение победителей. Однако сегодня эта часть мемуарных свидетельств фельдмаршала вполне может быть использована для аналитического изучения предыстории гитлеровского нападения на СССР, поскольку с середины XX в. в отечественной историографии в свете новых фактов и открывшихся документов происходит радикальная трансформация концепции истории начального этапа и всей Великой Отечественной войны.

Подытоживая сказанное, представляется верным утверждать, что забытые на долгие годы «Мемуары фельдмаршала» В. Кейтеля обладают определенной документальной ценностью и должны находиться в научном обороте наряду с другими широко известными свидетельствами и воспоминаниями очевидцев и участников драматических событий того времени.

Список основных источников

1. Кейтель, В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 / В. Кейтель ; пер. с англ. – М. : Центр полиграф, 2004. – 351 с.
2. Безыменский, Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него / Л. А. Безыменский. – М. : Мысль, 1964. – 532 с.
3. Проэктор, Д. М. Агрессия и катастрофа / Д. М. Проэктор. – М. : Наука, 1972. – 767 с.
4. Проэктор, Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д. М. Проэктор. – М. : Наука, 1989. – 693 с.
5. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) // М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2002. – 543 с.
6. Кларк, А. План «Барбаросса». Крушение III рейха. 1941–1945 / А. Кларк. – М. : Центрполиграф, 2001. – 491 с.

This article covers basic, personalistic, geopolitical themes on the history of pre-war political crisis in Europe (1938–1939), the beginning of World War II (1939–1940) and the Great Patriotic War (1941–1943) which were contained in memoirs of top military official after A. Hitler field marshal Wilhelm Keitel and fragmentary used until recently in scientific literature.

The author attempts to show the value of this memoir source for deep study of the history of establishment of Wehrmacht High Command, decision-making at A. Hitler's headquarters with regard to German forces' operations on Eastern front as well as current importance of the field marshal's remembrances in the light of crucial change of the Great Patriotic War conception in modern domestic historiography.